

УДК 811'111
UDC 811'111

Матвеева Елена Владимировна
Амурский государственный университет
г. Благовещенск, Российская Федерация
Elena V. Matveeva
Amur State University
Blagoveshchensk, Russian Federation
e-mail: matveeva_555@mail.ru

Ма Татьяна Юрьевна
Амурский государственный университет
г. Благовещенск, Российская Федерация
Tatyana Yu. Ma
Amur State University
Blagoveshchensk, Russian Federation
e-mail: tdovnar@mail.ru

АНТИТЕЗА КАК ПРИЁМ РИТОРИЧЕСКОГО ПОСТРОЕНИЯ
РЕЧИ В АНТИЧНОЙ РИТОРИКЕ
ANTITHESIS AS A RHETORICAL DEVICE OF SPEECH
COMPOSITION IN THE ANTIQUE DISCOURSE

Аннотация

В данной статье риторический приём антитезы рассматривается как способ выражения доказательности и опровержения аргумента в античную эпоху. Антитеза позволяет оратору убедить аудиторию в своей правоте посредством вскрытия внутренних противоречий описываемого явления и их разрешения в ходе дискуссии. С точки зрения своей структурной организации антитеза способна выполнять архитектурную и диаграмматическую функции, а также функцию «выдвижения» аргумента, в основе которого лежит противоположение, что делает антитезу полифункциональным приёмом воздействия в публицистике и судебных речах.

Abstract

The paper deals with antithesis as an ancient rhetorical device possessing unique argumentative power. During the course of a debate antithesis allows a public speaker to win over the audience by revealing and conciliating contradictions within a phenomenon. In the text antithesis fulfills architectonic and diagrammatic functions as well as a highlighting function of an argument based on opposition. From a structural point of view antithesis is a multifunctional stylistic device used in public speech, essays, and courtroom speeches.

Ключевые слова: антитеза, противопоставление, аргумент, выдвижение, фигура мысли, способ убеждения.

Keywords: antithesis, opposition, argument, highlighting, figure of thought, method of conviction.

doi: 10.22250/2410-7190_2017_3_1_59_66

Такое средство речевой выразительности, как антитеза, возникло ещё в глубокой древности. Интерес к антитезе в античности был связан с бурным расцветом ораторского мастерства, а данный приём воздействия на слушателя был одной из главных составляющих практически каждого выступления. Подтверждением этому служат дошедшие до нас в письменной форме речи Цицерона (в защиту Марка Целия Руфа), Аристотеля, Публия Овидия Назона и другие¹.

Антитеза рассматривалась как особое языковое «украшение» в одном из основных разделов классической риторики – элокуции – и являлась объектом изучения наряду с другими риторическими фигурами и стилями речи [Фрейденберг, 1996, с. 180–220].

Элокуция как раздел ораторского искусства предполагала обучение говорящего умению облекать идеи в выразительную языковую форму и служила чем-то вроде нормативной стилистики, что впоследствии привело к созданию теории риторических фигур – учения о принципах и приёмах фигурального выражения.

В рамках элокуции исследовалось не только языковое оформление подготовленного содержания речи, но и проводились наблюдения над различными грамматическими явлениями, рассматривались главные характе-

¹ «Случись здесь присутствовать, судьи, человеку, не сведущему в законах наших, в судах и обычаях, он спросил бы, конечно, что за страшное преступление вынудило нас в дни праздника, когда устроены общественные игры, а судебные дела приостановлены, заседать в одном этом судилище; он был бы уверен: судят такого преступника, что, если не заняться им немедленно, погибнет само государство ... И вот когда он услышит, что **не злодеяние, не дерзость, не насилие собрали судей**, но что **обвиняют здесь юношу, даровитого, делового, всем известного**, что обвиняет сын человека, кого сам подсудимый привлекает и привлекал к ответу, и то платит за обвиненье распутница, то он не осудит Атрата за верность сыновнему долгу, женскую разнузданность сочтет нужным смирить, а усердию нашему только подивится, раз и праздничные дни не для нас». [Орлов, 2010, с. 39; Цицерон, 1994, с. 4–73; Хазагеров, 2011, с. 131]. «Другой [топ, (аргумент, общепринятое суждение)] – изблительный – [заключается] в рассмотрении противоречий, если какое-нибудь противоречие очевидно изо всех времен, поступков и речей и его или [можно приписать] противнику, например, он **говорит, что любит вас**, а между тем он **участвовал в заговоре Тридцати**, или [отнести] к самому себе, например: он говорит, что **я люблю тяжбы**, но **не может доказать, чтобы я когда-нибудь вел хотя одну тяжбу**, или к самому себе и к противнику, например: этот человек никогда ничего не ссужал, а я освободил [от рабства] многих из вас» [Тахо-Годи, 1978, с. 118]; «Цепь я **носил, не стыдись**, ныне **стыжусь, что носил**» (Публий Овидий Назон) [Гаспаров, 1997, с. 183].

ристики стиля и его разновидности [Фрейденберг, 1996, с. 180–220]. При этом античные учителя сосредоточивали своё внимание на риторических фигурах как на некой дигрессии от синтаксической нормы, как «уклонение мысли и выражения от присущей им природы» [Лебедев-Полянский, 1929–1939, с. 800–824]. Современный же взгляд на фигуры определяет их как естественную и неотъемлемую часть речи разных, в том числе институциональных, видов дискурса, а риторика – как свод требований, предъявляемых к ораторской речи, как дисциплину, в задачи которой входит обучение выбору таких языковых средств, чтобы выражение определённого замысла приобрело стилистическую цельность и завершённость.

Среди фигур речи в античности различали тропы и фигуры (мысли и слова), однако вопрос более точного и конкретного их определения и дифференциации всегда оставался открытым, например: относить ли эпитет, сравнение, перифраз, гиперболу, литоту к фигурам (в узком смысле слова) или же к тропам².

М. Л. Гаспаров в своей работе «Избранные труды, том I. О поэтах», рассматривая данную проблему³, приходит к следующему заключению: под т р о п а м и понимаются отдельные слова, употребляемые нетрадиционным образом, под ф и г у р а м и – сочетания слов. Но если с изменением этих словосочетаний модифицируется смысл, тогда имеем дело с фигурой мысли, если значение сохраняется – перед нами фигура слова [Гаспаров, 1997, с. 570].

Фигуры мысли, в свою очередь, подразделялись на несколько групп: конкретизирующие позицию оратора (начало рассуждения), конкретизирующие смысл предмета или отношение к предмету и конкретизирующие контакт с аудиторией (обращение или вопрос). Из всех групп, как указывает М. Л. Гаспаров, на себя обращают внимание фигуры, уточняющие

² Известно, что в I веке н. э. у Квинтилиана появляется деление на четыре вида фигур: прибавление (анафора, эпифора, градация и т. д.), убавление (эллипсис, бессоюзие, зевгма), замена (одного слова другим), перестановка (антитеза, хиазм, инверсия и т. д.) [Квинтилиан: <http://ancientrome.ru>]. Классификацию фигур речи разработывал Аристотель, и более тщательно данной проблемой занимались его последователи: в частности, – Деметрий Фалерский ввёл разделение на «фигуры речи» и «фигуры мысли». Отличие между ними заключается в том, что замена слова на синоним разрушает фигуры слова, но не фигуры мысли. Однако классическая риторика не выработала единую систему классификации фигур, более того, учёные античного периода рассматривали тропы в составе фигур. И сегодня, как показывает обзор литературы по теме, общепринятой классификации фигур речи не существует, в разных научных школах различаются терминология (названия фигур) и принципы их классификации [Лебедев-Полянский, 1929–1939, с. 9–824].

³ М. Л. Гаспаров принимает во внимание классификацию Г. Лаусберга. (Г. Лаусберг (1912–1992) – немецкий ритор, филолог, специалист по исторической лингвистике; представил полное и подробное описание классической риторики в книге «Справочник по литературной риторике»).

смысл предмета, поскольку охватывают сходство, контраст, парадокс. Среди них простое «определение» (*finitio*), «поправление» (*correctio*), «присвоение» (*conciliatio*) и антитеза (*contrapositum*) [Гаспаров, 1997, с. 571].

Антитеза считалась «благодатной для разработки», поскольку «могла развертываться в пределах слов, словосочетаний, фраз, тяготела к параллелизму, украшалась словесными повторами, заострялась вопросно-ответными конструкциями»⁴ [Гаспаров, 1997, с. 571]. Приведённая интерпретация не является достаточно полной характеристикой антитезы, однако раскрывает механизм её возникновения, степень развёртывания, синтаксическую форму, функцию уточнения смысла.

Фигуры мысли в античной риторике, по словам М. Л. Гаспарова, были маловажны в плане изучения художественной литературы, однако играли ведущую роль в процессе анализа публицистики, судебной речи, диалогов-споров в драме и романе [Гаспаров, 1997, с. 571]. Другими словами, для античных раторов литературоведческая специфика не имела первостепенной важности в выборе фигур. Фигуры мысли служили, прежде всего, средством выражения доказательности и опровержения аргумента, соотносимого с актуальной проблемой, явлением общественной жизни. Антитеза позволяла оратору убедить аудиторию в своей правоте посредством обращения к внутренним противоречиям описываемого явления и их разрешения в ходе дискуссии. Сами же противоречия могли быть объективированы в разных парадигматически и синтагматически представленных в тексте языковых единицах, в том числе базирующихся на параллелизме, повторе, вопросно-ответных конструкциях.

Языковое оформление подготовленного содержания речи не являлось главной целью изучения в теории ораторского искусства, поскольку в риторике как науке («искусство, соответствующее диалектике»⁵) вопрос ставился не только и не столько о «живописности» текста, сколько о воздействии на слушателя. Риторика и диалектика принадлежат к тому искусству, которое имеет дело с противоположностями, а актуальность спора сводится не к убеждению, а к способам убеждения. Вследствие этого риторика по праву считается достоянием политики [Тахо-Годи, 1978, с. 15–18]. По этой причине в теории ораторского искусства средства усиле-

⁴ В недрах антитезы стали экстрагироваться и другие фигуры: эпанод, развернутое сравнение, парадиастола (последовательное противопоставление), антиметабола и оксюморон. [Гаспаров, 1997, с. 571]. (Эпанод состоит в том, что вначале анонсируются некоторые свойства данного явления, а затем каждое свойство подробно раскрывается. ...эпанод сам по себе есть миниоглавление. Лектор объявляет темы, вопросы, часто подчёркивает их число, что мобилизует внимание слушателей: «Ниже мы рассмотрим три ключевых вопроса». Эпанод может содержать в себе зерно будущей антитезы или градации) [Хазагеров, 2008, с. 75–80].

⁵ Именно Аристотель заложил фундамент риторики как науки, неотделимой от логики и диалектики, к тому же наделённой особой динамической выразительностью и подходом к действительности возможного и вероятностного [Тахо-Годи, 1978, с. 12].

ния выразительности рассматриваются одновременно с аргументами, приводимыми в пользу отстаиваемой позиции.

Каким же образом риторические фигуры влияют на способы убеждения? На данный вопрос можно ответить, приняв во внимание функции фигур, а именно: архитектурную и диаграмматическую. Первая, по словам Г. Г. Хазагерова, раскрывает мысль благодаря плану выражения, вторая имеет дело с эмоциями оратора, выраженными через «синтаксическую диаграмму». Архитектурные функции выполняют такие фигуры как анафора, эпифора, анадиплосис, антитеза, способные функционировать глобально, то есть на уровне всего текста [Хазагеров, 2011, с. 132]. Диаграмматическая функция фигуры способствует раскрытию эмфатической кульминации высказывания, что, в свою очередь, обеспечивает такое его качество как доказательность. Доказательность, или ясность речи, подкрепляется также и первой функцией – архитектурной. Иными словами, основная миссия фигур – служить средством убеждения.

Важно отметить, что как средство убеждения риторические фигуры часто используются в сочетании с принципом выдвижения, благодаря которому в тексте акцентируются его значимые для восприятия элементы.

Термин «выдвижение» был предложен И. В. Арнольд в рамках лингвостилистики. Текст, по мнению автора, организован таким образом, что его главные мысли уточняются, «выдвигаются», что содействует более быстрому его восприятию и, в результате, позитивно отражается на его убеждающей силе. Выдвижение реализуется либо путём расположения ключевых высказываний в «отмеченных позициях» – начало или конец текста, либо путём создания особых «схем выдвижения» – такое размещение частей текста, тропов и фигур, при котором к отдельным его фрагментам привлекается особое внимание (конвергенция, сцепление, градация, обманутое ожидание) [Арнольд, 2010, с. 205–206].

Таким образом, согласно принципу выдвижения, нужный для оратора аргумент правильно «выдвигается» с помощью композиционных средств, преимущественно тропов и фигур, которые в тексте выполняют не только коммуникативную функцию, но и композиционную. Данное обстоятельство расширяет логику осмысления «схем выдвижения», в которых антитеза играет важную роль. С точки зрения структурной организации антитеза способна выполнять функцию выдвижения, особенно когда речь идёт о противопоставлении, сопоставлении или контрастной характеристике как композиционном фоне.

Противоположности, как писал Аристотель, не только «производят указанное впечатление»: примеры антитезы делают сам стиль «приятным», поскольку «противоположности чрезвычайно доступны пониманию, а если они стоят рядом, они еще понятнее, а также потому, что этот способ изложения походит на силлогизм, так как изобличение есть соединение противоположностей. Вот что такое противоположение (antithesis)» [Тахо-Годи, 1978, с. 142]. То есть, композиционно антитеза как риторический прием может служить и выдвижению частей текста, и «выдвижению» мысли, аргумента, в основе которого лежит противоположение.

Аристотель, характеризуя антитезу, делает акцент на резкости противопоставления, которое включает в себя тезис и антитезис (древнегреч. *anti* – против, *thesis* – положение), и исключает всякий «переходно-связывающий» фактор: «Противоречие есть антитеза, в которой самой по себе нет ничего промежуточного; одна часть противоречия есть утверждение чего-нибудь относительно чего-нибудь, другая – отрицание»⁶. Иными словами, утверждение и отрицание по отношению к чему-либо формируют антитезный смысл, в основе которого лежит объективно существующее противоречие. Одновременно одна и та же фраза может включать в себя и утверждение, и отрицание, и противоположение, и единство. При этом она выполняет функцию выдвижения тезиса и антитезиса, акцентируя внимание слушателя (читателя) на противоречии как аргументе.

Факт противопоставления, – а в речи противопоставление есть «выдвижение», – как главный критерий возникновения и существования антитезы подчёркивается и другими мыслителями древней эпохи. Так, Феофраст и Деметрий в системе античных риторических фигур рассматривали антитезу как образованную путём противоположения, Квинтилиан также именовал её противоположением, или *contentio, contrapositim* («Риторика к Гереннию», Квинтилиан) [цит. по: Копнина, 2012, с. 195].

Древнегреческий философ и оратор Горгий из Леонтины (первым начал использовать фигуры в своей речевой практике) видел в антитезе выгодное созвучие. Его учение о «влиятельной речи» сводилось к риторическим фигурам, впоследствии получивших название «горгианских фигур», основанных на симметрии: антитеза, исоколон (равенство частей периода; период – фраза, имеющая начало и конец), омойотелевтон (созвучие окончания этих частей) [цит. по: Хазагеров, 2008, с. 47]. Важна лишь, по мнению автора, симметрия и звуковая организация двух составляющих предложений, начинающихся одинаково, но завершающихся разным ритмом, чтобы можно было говорить об антитезе как воздействующем элементе красноречия или, другими словами, как способе «композиционно-звукового выдвижения».

Фигуры речи позволяют «выстраивать» речь, делая её одновременно изящной и убедительной: придавая ей звучность и музыкальность, с одной стороны, с другой – выразительность и аргументативность. Фигурами часто называют также все выражения и различные обороты речи, которые придают высказыванию стилистическую значимость, образность, изменяют её эмоциональную окраску. Однако именно антитеза выделяется на фоне других фигур, поскольку такой её важный признак, как резкое противопоставление тезиса и антитезиса, является константной составляющей эффективного воздействия на слушающего, «выдвижения» наиболее значимых для достижения этого воздействия аргументов, объективированных в языковой форме в речи, тексте, дискурсе.

⁶ Аристотель. Аналитики первая и вторая: пер. с древнегреч. / Аристотель ; пер. Б. А. Фохта. – 1952. – С. 379–440.

Выводы

Антитеза как средство речевой выразительности возникло ещё в глубокой древности, что связано с расцветом ораторского мастерства, в котором данный приём воздействия на слушателя был одной из главных составляющих практически каждого выступления.

Антитеза в античности считалась важным и продуктивным приёмом воздействия, поскольку могла объективироваться в пределах слов, словосочетаний, фраз, в повторах, в параллельных и в вопросно-ответных конструкциях, выполняя архитектурную и диаграмматическую функции.

Антитеза как фигура мысли служила средством выражения доказательности и опровержения аргумента, соотносимого с актуальной проблемой, явлением общественной жизни, позволяла оратору убедить аудиторию в своей правоте посредством обращения к внутренним противоречиям описываемого явления и их разрешения в ходе дискуссии, что позднее нашло отражение в процессе анализа публицистики, судебной речи, диалогов-споров в драме и романе в античном периоде.

С точки зрения своей структурной организации антитеза также способна выполнять функцию выдвижения, особенно когда речь идёт о противопоставлении, сопоставлении или контрастной характеристике как композиционном фоне, служить выдвижению частей текста, «выдвижению» мысли, аргумента, в основе которого лежит противоположение, что делает антитезу высокопродуктивным и полифункциональным приёмом воздействия, заслуживающим пристального внимания исследователей и языка художественной литературы, и языка официально-деловой, судебной речи, и публицистики.

Список литературы

1. Аристотель. Аналитики первая и вторая: пер. с древнегреч. [Текст] / Аристотель ; пер. Б. А. Фохта. – М. : ГОСПОЛИТИЗДАТ, 1952. – 440 с.
2. Арнольд, И. В. Интерпретация художественного текста: типы выдвижения и проблема экспрессивности [Текст] / И. В. Арнольд // Семантика. Стилистика. Интертекстуальность / науч. ред. П. Е. Бухаркин. – Изд. 2-е. – М. : Книжный дом «ЛИБРОКОМ», 2010. – С. 202–211.
3. Гаспаров, М. Л. Избранные труды [Текст] / М. Л. Гаспаров. – Том I. О поэтах. – М. : «Языки русской культуры», 1997. – 664 с.
4. Копнина, Г. А. Риторические приемы современного русского литературного языка: опыт системного описания [Текст] / Г. А. Копнина. – 2 изд-е., стер. – М. : ФЛИНТА, 2012. – 576 с.
5. Квинтилиан, М. Ф. Риторические наставления [Электронный ресурс]: Книга VIII / пер. с лат. А. Никольский. – 1998. – 76 с. – Режим доступа: <http://ancientrome.ru/antlittr/quintilianus/index.htm> (дата обращения: 13.02.2017).
6. Лебедев-Полянский, П. И. Литературная энциклопедия: в 11 томах [Текст] / П. И. Лебедев-Полянский [и др.]. – М. : Художественная литература, 1929–1939. – Т. 11. – С. 9–824.

7. Орлов, Е. Н. Цицерон: его жизнь и деятельность [Электронный ресурс] / Е. Н. Орлов. – Электрон. Библиотека ЛитМир, – 2010. – 12 с. – Режим доступа : <http://www.litmir.me/br/cicero> (дата обращения 13.02.2017).
8. Тахо-Годи, А. А. Античные риторика [Текст] / под ред. А. А. Тахо-Годи. – М. : Изд-во Моск. ун-та, 1978. – 352 с.
9. Фрейденберг, О. М. Античные теории языка и стиля [Текст] / О. М. Фрейденберг. – М. – Л. : Соцэкгиз, 1996. – 344 с.
10. Хазагеров, Г. Г. Риторический словарь [Текст] / Г. Г. Хазагеров. – 2-е изд., стереотип. – М. : ФЛИНТА, 2011. – 432 с.
11. Хазагеров, Г. Г. Риторика для делового человека : учеб. пособие [Текст] / Г. Г. Хазагеров, Е. Е. Корнилова. – 3-е изд. – М. : ФЛИНТА: МПСИ, 2008. – 136 с.
12. Цицерон, М. Т. Три трактата об ораторском искусстве [Текст] / Пер. с лат. Ф. А. Петовского, И. П. Стрельниковой, М. Л. Гаспарова / под ред. М. Л. Гаспарова. – М. : Научно-издательский центр «Ладомир», 1994. – 475 с.

References

1. Aristotle (1952). *Analitiki pervaya i vtoraya: perevod s drevnegrecheskogo* [Aristotle. Prior and Posterior Analytics]. Translated from Ancient Greek into Russian by B. Fokht. Moscow : State and Politics Press.
2. Arnold, I. V. (2010). *Interpretatsiya khudozhestvennogo teksta: tipy vydvizheniya i problema expressivnosti* [Literary interpretation: Types of highlighting and the problem of expressiveness]. Moscow : «LIBROKOM» Publishing House.
3. Gasparov, M. L. (1997). *Izbrannye trudy* [Selected Works]. Moscow : Languages of Russian Culture.
4. Koptina, G. A. (2012). *Ritoricheskiye priyomy sovremennogo russkogo yazyka: opyt sistemnogo opisaniya* [Rhetorical devices of modern Russian literary language: System description]. Moscow : FLINTA.
5. Quintilian, M. F. (1998). *Ritoricheskiye nastavleniya* [Institutes of Oratory]. Retrieved February, 13, 2017 from <<http://ancientrome.ru/antlitr/quintilianus/index.htm>>.
6. Lebedev-Polyanskiy, P. I. (1929–1939). *Literaturnaya entsiklopediya: v 11 tomah* [Literary encyclopedia (11 volumes)]. Moscow : Fine Literature.
7. Orlov, E. N. (2010). *Tsitseron: ego zhizn i deyatelnost* [Cicero: Life and Activity]. Retrieved February, 13, 2017 from <<http://www.litmir.me/br/cicero>>.
8. Takho-Godi, A. A. (1978). *Antichnye ritoriki* [Antique rhetorics]. Moscow : Moscow University Press.
9. Freidenberg, O. M. (1996). *Antichnye teorii yazyka i stilya* [Ancient theories of language and style]. Moscow : Sots-Econom. Press.
10. Khazagerov, G. G. (2011). *Ritoricheskiy slovar'* [Rhetorical dictionary]. Moscow : FLINTA.
11. Khazagerov, G. G., Kornilova, E. E. (2008). *Ritorika dlya delovogo cheloveka* [Rhetoric for a business person]. Moscow : FLINTA.
12. Cicero, M. T. (1994). *Tri traktata ob oratorskom iskusstve* [On the Orator, three books for his brother Quintus]. Translated from Latin into Russian by F. A. Petovskiy, I. P. Strelnikova, M. L. Gasparov. Moscow : Scientific Publishing Center «Ladomir».